

Папа.

Папа родился 17 января 1909 года в семье царского адмирала Николая Лаврентьевича Кладо и Анны Николаевны Всесвятской. Он был любимым первенцем молодоженов, о необычном браке которых гудел Петербург. Достаточно сказать, что Анна была подругой по гимназии старшей дочери Николая Лаврентьевича – Татьяны. Мальчика нарекли Николаем сразу и в честь деда Всесвятского и в честь счастливого отца. Полагаю, что Всесвятские имели в роду священников. Фамилия, кстати, и до сих пор очень редкая. Я нашла только одно упоминание в интернете – мама известного писателя и барда Юлия Кима носила такую же фамилию. А вот храмов «Всех святых» (называемых упрощенно «Всесвятскими») на Руси много. В «Послужном списке» адмирала значится «православный», а национальность тогда не указывалась. В папином же паспорте, напротив, как и у всех советских людей указана национальность - грек. Греческая кровь у нас есть, фамилия не похожа на русскую и во время войны на всякий случай папу записали в «греки».

Папа потерял отца в 1919 году. Николай Лаврентьевич только 2 с небольшим года успел побывать на посту Начальника военно-морской академии, на который был единогласно избран сразу после февральской революции. Он не слишком нравился новой власти (да и прежней тоже) и, говорят, был одним из первых, кого занесли в список на уничтожение. В 10 лет мальчик Коля, который воспитывался в семье с дворянскими корнями и, как положено, с гувернантками, оказался в семье единственным мужчиной. На квартиру, принадлежащую Академии, после смерти Николая Лаврентьевича сразу наложили арест. Анна Николаевна уже к тому времени закончила Бестужевские курсы и работала врачом-фтизиатром, а маленькие сёстры Женя и Наташа оказались в сфере ответственности десятилетнего Коли. По вечерам он подрабатывал киномехаником в ближайшем кинотеатре. И с тех пор навсегда его жизнь была связана с КИНО. Школу он так и не закончил. Затем не закончил институт. Потом не закончил аспирантуру. Он всегда был фрилансером, не считая коротких периодов работы в штате Узбекской и Таджикской киностудий. И всегда отвечал на вопрос, как он не боится говорить то, что думает, так: «Меня же нельзя ниоткуда уволить и никуда назначить...» Тунейдцем его назвать не могли, так как у него одного из первых появился членский билет Союза писателей СССР, а затем Союза кинематографистов.

Понятно, что начальство этих союзов его очень не любило, но взглядов этого начальства не разделяли очень многие его коллеги. Он был и сценаристом, и режиссером, но больше всего известен как критик – очень профессиональный, очень острый – без оглядки на авторитеты. Помню однажды на обсуждении очередного фильма (папа часто брал меня с собой) кто-то воскликнул: «Да Вы пессимист». «Напротив, парировал папа, я оптимист, потому что уверен, что могло быть лучше!» Конечно, некоторые его «оценки» были шокирующими. Например, однажды про творчество одной весьма обласканной начальством поэтессы и сценаристки, прошедшей войну, он написал, что она «пишет не кровью сердца, а маникюрным лаком». Я обиделась больше, чем эта поэтесса, умница и очень хороший человек.

Папа очень любил поддерживать таланты, особенно, если на них обрушивалось начальство. У него было потрясающее чутьё на таланты. Он был первым, кто поддержал «Балладу о солдате». Он на одном из семинаров в Сибири обнаружил Вампилова и привёз его пьесы в Москву. Его любили приглашать, а он любил принимать участие в различных творческих семинарах. Какое-то время преподавал во ВГИКЕ. Был первым ведущим телепрограммы «Кинопанорама». До того момента, как Председатель Гостелерадио С. Лапин не приказал редакторам «надеть на Кладо галстук». Папа сказал: «Я ведь говорю от своего имени, а я никогда не носил галстуки». И ушёл.

Папины друзья – Эрдман, Арнольд, Светлов, Шкловский, Арабов, Куницын, Арбузов, Олеша ... Кто-то из них входил в тусовку настоящих любителей футбола. Наблюдать за ними на стадионе было одно удовольствие. Папа болел за ЦСКА, а я - за Локомотив

(Бубукин, Маслаченко и др.). Я болела за другую команду, демонстрируя таким образом свою независимость. Однажды, когда папа был в отъезде, его друзья взяли меня с собой на стадион. Ещё до начала матча к ним подходили друзья-болельщики поздороваться, а они всем представляли меня: «Это дочка Николая Николаевича». Вот так без фамилии. Да, в определенных кругах папа был знаменит, и я гордилась и краснела, краснела и гордилась. Вдруг сзади какие-то молодые парни произнесли: «А мы дети Ивана Ивановича...» И я теперь только краснела. Это был урок, я запомнила его на всю жизнь. Я была не только «папенькиной» дочкой и его любимицей, но и реальной помощницей. Когда он уезжал, он оставлял мне кучу поручений – отнести статью в «Экран» или «Искусство кино», в «Литгазету» или «Советскую культуру». У меня сохранились папины письма: «Дильбарик, если Погожева (гл.ред. И.К.) скажет, что статью будут сокращать, не оставляй». Были и другие ответственные поручения: «Если мама скажет, что закончились деньги, собери по этому списку книги и отнеси их в букинистический».

А еще я на всю жизнь запомнила строчку из его письма мне в Трускавец. Мне было 15 лет, я попала во взрослый санаторий, и конечно, тосковала. Папа мне написал: «Дочка, запомни, умному человеку скучно никогда не бывает.» С тех самых пор я никогда не позволяю ни себе, ни другим заподозрить, что мне скучно.

В Москву мы переехали летом 1957 г. . Наш дом еще строился, его сдавали в эксплуатацию подъездами, и до нашего очередь никак не доходила. Надвигался учебный год. Мы временно поселились на Манежной улице в квартире Инессы Арманд. Под окнами – Кремль. Огромная коммуналка, где жили Арманды – родственники Инессы, и Арнольды (у Арнольдов папа снимал комнату). Арнольд Григорьевич Арнольд был главным режиссером цирка и заядлым любителем бегов. И другом юности-молодости папы. Уже через несколько дней после приезда папа повёл всю семью на ... Хор Пятницкого. Напомню, мы приехали из Таджикистана, где мама пела в опере. Папа, который так увлекался Востоком, решил, что детям пришла пора осваивать русскую культуру. Он и потом много раз ездил в Среднюю Азию, делал какие-то фильмы, но Россия, русское было для него важно и близко.

Папу очень любили в Сталинабаде. Он свободно говорил по-таджикски – сказались навыки изучения языков в детстве с гувернантками, правда английского и французского. Он носил тубетейку. Не помню почему, но как-то папа на несколько недель оказался в тюрьме. Однажды маме позвонили и сказали, что папу выпускают и надо за ним придти и принести одежду. Мы пришли. Но папа сказал, что он не успел доделать стенгазету, и что нам придётся придти на следующий день.

Папу любили и мои подруги, а он любил их, особенно Ляльку. Она до сих пор заваривает кофе в джезве, которую папа привез ей, любительнице кофе, тогда ещё студентке, в подарок из Армении. Подруги мне говорили, что я никогда не выйду замуж, потому что невольно буду всех сравнивать с папой, но таких больше нет.

Папу любила...Е. Фурцева, которая от партии тогда курировала культуру и очень старалась быть не ортодоксальной. За что и поплатилась.

Мне рассказывал один художник, что несколько раз на всяких мероприятиях пытался нарисовать папу, а получался --- Иисус Христос. Папа был очень красив, высок и строен, большие зелёные глаза с поволокой.

На его огромном письменном столе стояло несколько фигурок Дон-Кихота. Так его воспринимали и поэтому дарили. Однажды, когда папе уже было за 80 и его здоровье было сильно подорвано, он пригласил меня в Дом Кино. После просмотра мы медленно шли к метро, когда вдруг услышали крик: «Помогите!». Папа рванул на крик, увидел лежащего на снегу мужчину и схватил за грудки нападавшего. Тот растерянно забормотал: «Я официант, он не заплатил, убежал...» И папа, снова согнувшись, пошёл дальше.

С Домом Кино, сначала на Воровского, а потом на Васильевской, его многое связывало. Помню, когда в Белом зале отмечали его 75-летие, заполнен бал не только зал, но и

вестибюли – нижний и верхний. Тогда профессиональная киноплёнка было дефицитна, но всё мероприятие было заснято. А фотографии делал Серёжка, которому тогда было 13 лет. А через пять лет отмечали 80-летие, к которому я сделала фильм - поздравление, в котором использовала и эти кино и фото съёмки и подаренные мне папой диапозитивы, снятые Николаем Лаврентьевичем. Перестройка мне запомнилась и тем, что папе вдруг присвоили звание Заслуженного работника культуры. Я сидела на церемонии в Колонном зале, слушала папино выступление и удивлялась, что папа, который всегда, мягко говоря, равнодушно относился ко всяким званиям и наградам, был искренне рад этому событию. Его речь была посвящена пользе критики.

Он был очень добрым и мягким человеком. Но однажды, только один только раз в жизни он повысил на меня голос. Он увидел на мне красные чулки. Тогда это было модно. А в пору его молодости красные чулки носили девицы лёгкого поведения. И он строго велел мне надеть другие чулки. Я не сразу поняла, заупрямилась, и он повысил голос.

Нас у папы с мамой было трое. Тимур был старше меня на 3 года, Фатима была старше на 2. Имена всем дал папа. Он очень любил маму и звал её «Зумратик». Я хорошо помню тот день. Мы с папой стояли на палубе парохода, который готовился отчалить от Речного вокзала и плыть до Астрахани. В толпе на пристани какая-то женщина узнала папу и у них завязалась короткая беседа, из которой я поняла, что Тимур – не папин сын. Господи, решила я, в этом киношном мире каких только слухов не бывает. Через несколько лет Тимур, который к тому времени вернулся в Душанбе, женившись на моей школьной подруге, написал мне письмо, что мамина сестра сообщила ему, что он не папин сын. «Я её чуть не убил», - написал он мне. Он очень любил папу, когда приезжал в Москву, привозил папе именно те вкусности, которые папа любил. И папа его очень любил. Позже, конечно, я от маминых родственников тоже слышала эту версию, причем, с подробностями. Однажды со мной заговорила об этом мама. Сама. Когда ей было больше восьмидесяти. Она сказала мне, что папа пригласил её сниматься в его фильме, когда у неё уже был молодой человек. Папа знал об этом. А она точно не знает, чей сын – Тимур. Сохранилась фотография, где у папы на руках крохотный мальчик. И папа выглядит на этой фотографии очень счастливым. Когда папа умер, мы с Тимуром были около него уже через пару часов.

... На сегодняшний день фамилию Кладо в России ношу я, мой сын Сергей и его дети Антон и Анюта, папина дочка от другого брака Катя, и сын Тимура – Алёша.